

Анотація

Крапчатова І.Н. Роль кримінальної політики у боротьбі із злочинністю на сучасному етапі. – Стаття.

В умовах реформування держави і суспільства значення кримінальної політики різко зростає. Крім того, підвищення ролі кримінальної політики пов'язано і із соціальними очікуваннями населення на посилення боротьби зі злочинністю за допомогою кримінального закону і більш жорстких дій правоохоронних органів.

Ключові слова: кримінальна політика, боротьба із злочинністю.

Summary

Krapchatova I.N. Role of criminal policy in a fight against criminality on a modern stage. – Article.

Pursuant to the reforming of the state and a society the value of a criminal policy sharply increases. Besides, increasing criminal policy's role is concerns with social expectations to the strengthening of struggle against criminality by means of the criminal law and more rigid actions from the law enforcement bodies.

Key words: criminal politic, fighting with crime.

УДК 343.2/7(470)(091)

Е.Н. Ярмонова

ГЕНДЕРНАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ

Затруднительно составить полную картину об уголовно-правовой политике без анализа женщины как субъекта преступления в различные периоды российской истории. И так как в самых ранних законодательных актах мы не встречаем таких примеров, можно утверждать, что особой формы ответственности или особых наказаний для женщин в языческий период не существовало, учитывая, что до нас не дошли никакие сведения о различии наказаний за какие-либо уголовные преступления для мужчины и женщины. При совершении преступлений в семье женщина, видимо, несла ответственность перед мужем или перед главой семьи, если муж был лицом подвластным в большой семье. Нельзя сомневаться, что женщина с момента формирования языческой семьи путем заключения брака в виде умычки, покупки жены несла ответственность за прелюбодеяние, так как рассматривалась как имущество своего мужа, по отношению к которому он обладал полной властью. При наличии многоженства и наложничества говорить об ответственности за прелюбодеяние со стороны мужа невозможно. Хотя, видимо, какие-то ограничения половой свободы мужа существовали и в этот период, иначе странным является утверждение летописца, что Рогнеда, простившая мужу убийство отца и братьев, «не могла простить измены в любви: ибо великий князь уже предпочитал ей других жен

и выслал несчастную из дворца своего» [2, с. 155]. Рогнеда, будучи рожденной в язычестве, не могла защищать христианское единобрачие. Следовательно, право на месть в качестве ответственности за прелюбодейание мужа возникало не при связи с другими женщинами и последующими женитьбами мужа, а при отсутствии внимания и возможно имущественного обеспечения кого-либо из жен.

Не случайно «Русская Правда» ничего не говорит о совершении преступления женщинами, это связано, видимо, с тем, что ограничения, возникавшие в процессуальной дееспособности женщин в этот период, были связаны не с их половой принадлежностью, а с их семейным и социальным статусом. Ольга, будучи самостоятельной правительницей, могла, видимо, выступать в качестве верховного судьи на территории своего государства. Такие же права по отношению к членам семейства возникали у женщин, которые по смерти мужа становились главой семьи и определяли судьбу входящих в семью сыновей, дочерей, невесток и их детей.

Женщины находились под контролем церковной и светской власти как в общественной, так и в семейной жизни, и это не могло не привести к тому, что очень многие деяния, совершаемые женщинами в этот период времени, рассматривались как преступные и, следовательно, за совершение их женщины привлекались к ответственности. Ответственность устанавливалась в различных формах и размерах в зависимости от опасности совершенного деяния и социальной принадлежности лица, его совершившего. Самостоятельную ответственность несли все категории женщин, кроме холопок, за совершение преступления которой ответственность нес ее хозяин. В данном случае, естественно, не идет речь о защите интересов этих женщин, здесь мы сталкиваемся с обеспечением интересов холоповладельца и лица, пострадавшего в результате такого противоправного деяния. Древнерусское законодательство не предусматривает особенностей ответственности в зависимости от признака пола, но при этом выделяет преступления, по которым субъектом может выступать только женщина в силу специфики самого преступления, например, в случае преждевременного избавления от беременности.

В то же время, если мы рассмотрим такое преступление, как прелюбодейание, то столкнемся лишь с декларацией равенства наказания за прелюбодейание, совершенное как мужчиной, так и женщиной. На Руси к женщинам не применялись в случае совершения прелюбодейания позорящие наказания, которые очень любили в западноевропейских государствах. В случае прелюбодейания жены развод допускался всегда, а при прелюбодейании, совершенном женой священника, был обязателен. Следует помнить, что католическая церковь за супружескую неверность предусматривала равное наказание; однако, как правило, женщину наказывали сильнее [7, с. 50]. В Западной Европе женщина, застигнутая при прелюбодейании, отдавалась вместе со своим соучастником в руки мужа: «И вероломную жену и обманутого мужа предавали публичному посмеянию: жена должна была вести осла, на котором восседал муж, а впереди шествовал глашатай, восклицая: «кто так поступает, так и получает» [1, с. 340–341].

Со временем, правда, законы и на Руси, и в западноевропейских странах стали допускать возможность жены привлекать мужа к ответственности за прелюбодеяние, но в этом и церковная и светская власть стремились к сохранению семьи. Право на развод муж получал и в случаях совершения деяний, приравненных к прелюбодеянию, которые были определены действующим законодательством.

Устав кн. Владимира не указывал на последствия «заставанья», по византийским же законам прелюбодеи подвергались отрезанию носа, после чего брак прелюбодейки подлежал расторжению, а прелюбодею, наоборот, запрещалось разлучаться с женою. Карались и те, кто попустительствовал супружеской неверности. Муж, который знал о прелюбодеянии жены и допускал это, должен быть высечен и изгнан [9, с. 241]. На Руси, как правило, наказанием выступал штраф.

Специфическими преступлениями, вменяемыми преимущественно женщине, были также различные проступки морального характера, за которые женщины несли ответственность как перед светской, так и перед церковной властью. К данной категории преступлений можно отнести деяния, который в связи с тем, что они относятся к сфере личной, интимной, не регулируемой законодательством, в настоящий момент не рассматриваются как преступные, например прелюбодеяние, длительная связь с женатым мужчиной. К этой же категории относятся деяния, которые действующее российское законодательство относит к преступлениям, например убийство ребенка. Такое смешение деяний при установлении их преступности, на мой взгляд, связано в первую очередь с бытовавшими в обществе взглядами на женщину как лицо зависимое от мужа. Церковь в то же время смотрела на женщину как на союзницу в сфере семейно-нравственных отношений и старалась воспитать в ней полное подчинение интересам христианского общества.

Церковь и государство, желая обеспечить достаточное воспроизводство населения, устанавливали жестокие наказания за действия женщины, направленные на избавление от ребенка как во время беременности, так и после родов. Ответственность за избавление от плода во время беременности устанавливалась не только на Руси, но и в других христианских странах, например Эклога устанавливает: «Если женщина вступила в связь и забеременела и принимает меры против своей беременности, чтобы вытравить плод, да будет она высечена и изгнана» [9, с. 241]. Это положение, основанное на постановлении Трулльского собора, согласно которому избавление от плода приравнивалось к убийству и виновная подвергалась десятилетнему церковному отлучению, нашло свои отклики и в русском законодательстве. Устав князя Ярослава предусматривал ответственность в виде пострижения в монастырь в случае если женщина «при муже детяти погубить» [6]. Еще строже карались аборты: «ино аще животное — 15 лет, аще образ есть — 7 лет, а зарод еще — 5 лет» поста [4, с. 94]. Я.Н. Щапов объясняет столь жесткие меры так: «При условии большой смертности детей и сравнительно короткой жизни крестьян (как правило, до 40–45 лет) практически не ограниченное деторождение было важнейшим источником увеличения народонаселения. Общественная система никак не

обеспечивала средствами существования людей в старости, и содержание их ложилось только на детей» [10, с. 218].

В то же время за преждевременные роды не налагалась ответственность в случае отсутствия вины женщины. Виновность женщины учитывалась во всех случаях совершения женщиной преступлений против христианской нравственности: женщина не подвергалась ответственности за прелюбодеяние в случае, если ее изнасиловали, а в случае, если она совершала деяние, способствовавшее прерыванию беременности, учитывалось, был ли этот ребенок законнорожденным или был зачат вне брака. При рождении ребенка вне брака женщина подвергалась наказанию, если бросает свое незаконнорожденное дитя – «аже девка дѣтя повѣржетъ» [8]. К ответственности привлекалась девушка или незамужняя женщина в случае рождения внебрачного ребенка. «Если у девушки, живущей у отца и матери, родится ребенок, или у вдовы, то, обвинив ее, передать ее в дом церковный» [10, с. 218]. В статьях 5–6 Устава князя Ярослава предусматриваются наказания за это деяние. При этом женщина подлежала заключению в «доме церковном». Родственникам предоставлялась возможность выкупить мать незаконнорожденного ребенка, что свидетельствует о возможности избежать ответственности за данное преступление дочери обеспеченных родителей и невозможность этого для девушки из простой семьи, которые, видимо, чаще попадали в подобные ситуации. Подвергалась женщина ответственности и в случае, если выступала в качестве второй жены. Причем первоначально церковь наказывала женщину, жившую с женатым мужчиной, независимо от того, был ли он повенчан со своей первой женой или нет. В обоих случаях женщина, выступавшая в качестве второй жены, направлялась в «церковный дом».

При определении меры наказания, которое устанавливалось женщине за то или иное деяние, следует учитывать, что в ряде случаев наказание могло налагаться мужем. Мужья часто применяли жестокие наказания, которые в ряде случаев могли приводить даже к смерти женщины. В то же время многие авторы считали, что юрисдикция мужа не распространялась на решение вопросов о смерти жены. К. Неволин считал, что в России муж никогда не имел формального права убить жену, насильно постричь в монахини, продать в холопство, а многочисленные случаи, описанные в летописях, он относил к злоупотреблению правом [3, с. 44]. Тем не менее все эти явления имели место. За убийство жены муж подвергался легкому наказанию, а жена, убившая мужа, живой закапывалась в землю. Жена обязана мужу повиноваться во всем, если только он не требует от нее чего-либо противного заповедям Божиим и Его нравственному закону.

При рассмотрении ответственности женщины за совершение такого преступления, как воровство, следует выделить особый случай, предусмотренный Уставом князя Ярослава, когда муж жалуется на то, что жена крадет у него, и изобличает жену. В этом случае с жены берут штраф в размере 3 гривен и мужу предоставляется возможность «казнить ю», то есть самостоятельно наказывать за данный проступок. Устав князя Ярослава не предусматривает данный случай как основание для развода и сознательно отмечает, что данное нарушение жены

не является достаточным основанием для развода – «а про то их не разлучити» [5, с. 261]. В то же время по русскому законодательству, когда муж разбазаривал имущество жены, она имела право на развод [6]. Жена не вправе поднимать руку на мужа, бить его. Это наказывается штрафом в пользу митрополита в размере 3 гривен в соответствии со ст. 40 Устава князя Ярослава. Такая норма должна была воспитывать не только жену в повиновении, но и мужа в исполнении его долга главы семьи: платил штраф все же, вероятно, он как глава семьи.

Литература

1. Абрашкевич М.М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. – О., 1904. – С. 340-341.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I–III. – М., 1998. – С. 155.
3. Неволин К. Указ. соч. – С. 82-85. Цит. по: Антокольская М. В. Семейное право. – М.: Юристы, 1997. – С. 44.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М., 1989. – С. 94.
5. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – Л., 1947. – С. 261.
6. Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. О.И. Чистякова. – Т. 1.
7. Рябова Т.Б. Женщина в истории Западноевропейского средневековья. – Иваново, 1996. – С. 50.
8. Устав Владимира // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского. – М., 1984. – С. 241.
10. Шапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. – 1970. – № 10. – С. 218.

Анотація

Ярмонова Є.Н. Кримінально-правова політика: історія формування.
– Стаття.

У статті висвітлюється історичний аспект розвитку кримінально-правової політики. Дуже складно скласти повну картину про кримінально-правову політику без аналізу жінки як суб'єкта злочину в різні періоди російської історії. Автором аналізуються кримінальна відповідальність жінки в історії становлення кримінального права Росії.

Ключові слова: жінка як суб'єкт злочину, відповідальність жінки за скоєний злочин, кримінально-правова політика.

Summary

Yarmonova E.N. Criminal and legal policy: history of forming. – Article.

In this article the author discovered the historical aspect of development of a criminal-legal policy. It is very difficult to create a full picture about the criminal-legal policy without the woman's analysis as the subject of a crime during the different periods of the Russian history. The Author analyzed the criminal responsibility of woman in a history of formation of the criminal law of Russia.

Key words: woman as the subject of the crime, the woman responsible for the crime, criminal and legal policy.